

ОУИ НБ МГУ №386

О том, как Сергей Есенин читал стихи, об одной версии его самоубийства и о том, что славу невозможно купировать административным путем

<http://oralhistory.ru/talks/orh-386>

6 августа 1974

Собеседник

Ардов Виктор Ефимович

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 6 августа 1974 и опубликована 31 марта 2017.

Введение

Вторая беседа Виктора Ардова и Виктора Дувакина состоялась после большого перерыва — семь лет. Содержание первой беседы, естественно, забылось, поэтому несколько историй, касающихся Маяковского, собеседник повторяет. Зато за это время Виктор Дувакин расширил свою фонодокументальную деятельность и стал заниматься созданием «первичных звукодокументов по истории русской культуры первой трети XX века», о чем он с некоторой гордостью говорит в самом начале разговора.

Главный персонаж этой беседы — Сергей Есенин. Ардов вспоминает (и даже изображает), как Есенин читал свои стихи, говорит о том, что за его эпатажем (и даже, возможно, самоубийством) стояло вполне разумное желание привлечь к себе внимание публики и рассказывает о том, как Есенин, в цилиндре и с тростью, выступал в Политехническом музее.

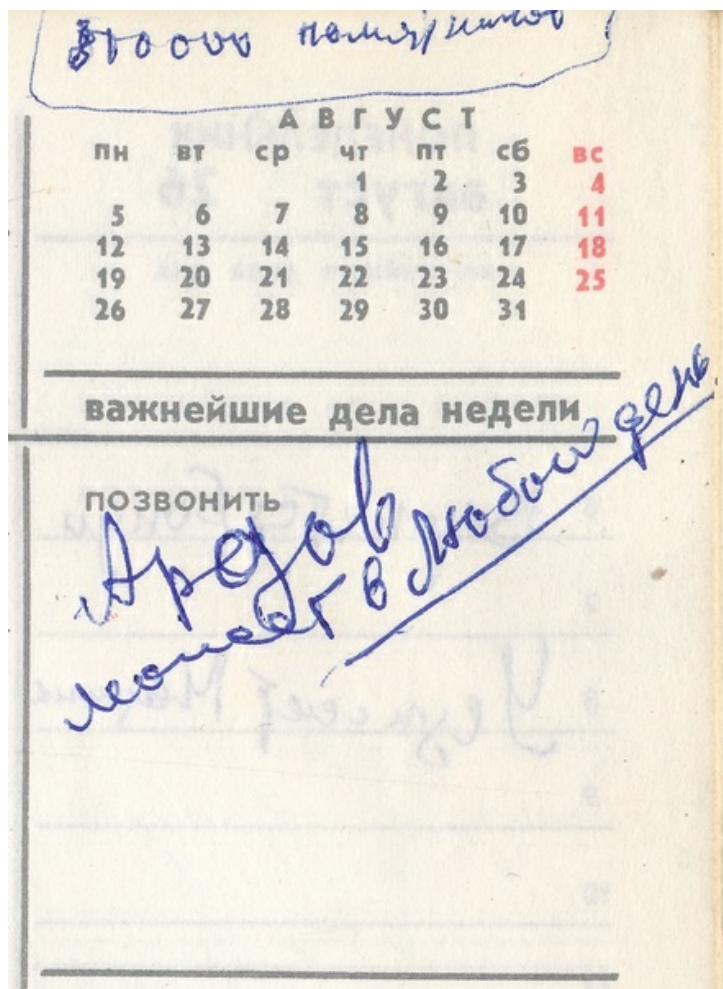
Комментарии к беседам с В.Е. Ардовым подготовил филолог Николай Паньков.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Виктор Ефимович, мы с вами встречаемся почти через семь лет.

Виктор Ефимович Ардов: Как время-то пролетело!

В.Д.: Да. Дело-то это мое окрепло, около четырехсот кассет у меня уже теперь. Помните, я сначала записывал только о Маяковском. Теперь моя тема — «Создание первичных звукодокументов (вот эти самые пленки — это звукодокументы) по истории русской культуры первой трети XX века», то есть примерно до середины 30-х годов. Ну, и людей, конечно, я беру, которые характерны для 20-х годов, начинали в 20-е годы... Конечно, я о них говорю и немножко дальше, если нужно, но в основном до <первого> съезда писателей, до конца первой пятилетки — это основная тема: людей, которые в это время проявились. И не только людей, но и учреждения.

* «Моя ближайшая задача — спасти то, что еще можно спасти, накопить как можно больше фактов, живых деталей и картин, словесных портретов и характеристик ученых... писателей, поэтов, художников, артистов и режиссеров, выдающихся библиографов, популяризаторов знаний и т.п.» (Записка В.Д. Дувакина «О моей работе на кафедре научной информации МГУ» / Публикация В.Ф. Тейдер // Археографический ежегодник за 1989 год. М.: «Наука», 1990, с.308).

Листок из календаря В. Дувакина за август 1974 г.

Порядок давайте установим вместе с вами. Во-первых, вы как старый крокодилец заслуженный, работающий, по-моему, с самого основания, да?..

В.А.: Нет, я в 25-м году в первый раз...

В.Д.: Ну, почти. «Крокодил» родился в 23-м, да?

В.А.: В 22-м.

В.Д.: В 22-м. Так вот, вы расскажете нам историю «Крокодила», его людей, его нравы и так далее, ну, и потом (не обязательно сегодня кончить, мы можем еще раз приехать) мы поговорим о тех людях, с которыми вы непосредственно встречались, кроме Маяковского. Маяковского мы уже с вами обговорили, но вы хотите какие-то еще сделать дополнения, может, мы с этого и начнем, а кроме Маяковского, давайте сейчас установим примерный список — о ком вы хотите сказать. Есенин — раз. О Мариенгофе был разговор... Ну, кто еще из заметных, интересных людей встретился вам на вашем жизненном пути?

В.А.: Прежде всего я скажу, что Есенин к «Крокодилу» никакого отношения не имел.

В.Д.: Нет, это независимо...

В.А.: Пожалуй, я немножко поговорю о Сергее Александровиче Есенине, потому что по времени он прошел у нас раньше, чем открылся журнал «Крокодил», и фигура, так сказать, достаточно значительная, чтоб говорить о нем отдельно. Когда умирает значительный человек, всегда оказывается, что у него друзей было в 10 раз больше, чем это было при жизни. То же самое вышло и с Есениным: как только он погиб и обрел славу... А дело в том, что, как правильно писал его друг Анатолий Борисович Мариенгоф в своем романе интересном, хотя несколько, так сказать, чересчур откровенном и циничном* — «Роман без вранья», — он написал, что Есенин достиг славы, едва только умер.

* Ср.: «вообще “Роман без вранья” легко читаемая, но подозрительная книга. Редкое самолюбование и довольно искусно замаскированное оплевывание других, даже Есенина» (Шершеневич В.Г. Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910—1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича и Грузинова. М.: «Московский рабочий», 1990, с.675).

Это справедливое замечание, потому что при жизни огромные массы читателей и слушателей и прочие — так сказать, аудитория — они к нему относились почти отрицательно. Кстати, и Маяковского тоже многие не принимали. Причем по отношению к обоим этим поэтам нужна была априорная недоброжелательность, чтобы не понять, что это великие люди. В частности, Есенина считали совершенным хулиганом, потому что в его стихах иногда встречались какие-то не совсем пристойные, с пуристской точки зрения, строки. Но и сам Есенин шибко шел навстречу этим концепциям. Почему так происходило?

Я в моих коротких мемуарах о Есенине* пишу вот о чем: дело в том, что не первые эти имажинисты и даже не футуристы установили этот стиль, когда эпатирование публики — дразнить, дразнить мещанина — считалось хорошим тоном. На фоне обычной вежливости со стороны общественных деятелей всех профилей и рангов, на всех этих формулировках: «мне выпала честь» или «я имею удовольствие», или «уважаемая публика» — они хотели выделиться своим, так сказать, наплевательским отношением к людям**.

* Ардов говорит о своих мемуарах «Два слова об Есенине», датированных августом 1970 г. Они не были включены в книгу «Этюды к портретам» (и, соответственно, не были перепечатаны в книге «Великие и смешные»), но сохранились в фонде Ардова в РГАЛИ в машинописном виде (ф.1822, оп.1, д.157).

** Ардов, упомянув свойственную классической традиции «поэтическую скромность», писал в этих своих мемуарах: «В России уже символисты нарушили эту традицию. Правда, это поколение больше эпатировало публику содержанием стихов, нежели поведением автора. А футуристы повсеместно — и в Италии, и во Франции, и у нас — взяли тон открытого презрения к аудитории. Литературная группка имажинистов, к которым примыкал Есенин (а надо сказать, что сам-то он всю жизнь искренне верил, что он — только сочлен этой группы), возникла под влиянием футуристов. Логически рассуждая, она должна была пойти еще дальше футуристов в своих обычаях и поведении. Имажинисты так и сделали» (там же, л.35).

Я вам расскажу совершенно поразительную историю, которой свидетелем был я сам. Дело в том, что в Москве на улице Горького (тогда Тверской), дом 18 — ныне этот дом снесен, на его месте дом № 2 или дом № 4 — это между Георгиевским переулком и Камергерским (ныне проезд Художественного театра) — в одном из маленьких домов, первый и второй этаж которых были заполнены магазинами, фотографиями и иными, так сказать, обслуживающими точками, был... надо было подняться на 10—12 ступенек, и вы входили в бывший магазин, который когда-то назывался «Домино», — кафе, а теперь его отдали поэтам и это было «Кафе поэтов».

В.Д.: Так его и называли — «Кафе поэтов»?

Здание (с вывеской «Лечебница»), где находилось «Кафе поэтов». 1914. pastvu.com

В.А.: «Кафе поэтов», а раньше — «Домино»*. Так вот, это «Кафе поэтов» — там была база Союза поэтов. Союз поэтов имел в то время значение. Ну, сказать достаточно, что одно время председателем там был Валерий Яковлевич Брюсов, и он достаточно часто туда ходил и выступал перед публикой. Что же собой представляло это кафе? Вы поднимались в это торговое помещение: столики от кафе остались, был буфет... Буфет содержал отец поэта Матвея Ройзмана, недавно скончавшегося после того, как он выпустил труд своей жизни «Что я помню об Есенине». Вы знаете эту книгу?

* О «Кафе поэтов» см.: Комарденков В.П. Дни минувшие (Из воспоминаний художника)..., с.65—69; Грузинов И. Маяковский и литературная Москва // Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича и Грузинова, с.659—679; и т.д.

В.Д.: Нет. Когда вышла?

В.А.: Посмотрите, она вышла в прошлом году, в 1973-м. Она интересна удивительной добросовестностью и точностью. Книга не очень умная и не талантливая, потому что автор не бог весть какого дарования был человек, но очень добросовестный, а главное, что он в качестве одного из этой группы имажинистов воистину много встречался и с Есениным, и с Мариенгофом, и с Кусиковым, и с Шершеневичем, и другими корифеями этой группы.

* См.: Ройзман М.Д. Все, что я помню о Есенине. М.: «Советская Россия», 1973.

Так вот, буфетик был слабый: 20-й год. Чуть не правительство даже разрешило в этом кафе продавать

пирожные, которые делались контрабандой*, а потом, если кого ловили за то, что он из дефицитной пшеничной муки, сахара и масла делает такие пирожные, то таких отправляли на Лубянку — в ЧК, а тут это разрешалось; продавали еще какую-то кашу-размазню, немножко воблы — словом, это был нищенский, но в то время завидный харч. И вот мы здесь обычно сидели, пили, ели, а поэты на маленькой эстраде выступали каждый день и читали свои стихи. Читал стихи и Есенин, и прочие имажинисты, иногда, очень редко, выступал Маяковский, а потом были бесчисленные поэты и якобы поэты, принадлежавшие к самым разнообразным группам, о которых сейчас никто даже не помнит. Например, была группа «ничевоки»**.

* По воспоминаниям Шершеневича, всеми хозяйственными делами в «Кафе поэтов» заведовал «некий Нестеренко, мошенник из Сибири»: «В годы, когда пирожное из белой муки было чуть ли не государственным преступлением, Нестеренко спокойно угощал этими пирожными контролеров, арапски заверяя их, что пирожные сделаны из моркови» (Шершеневич В.Г. Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910—1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича и Грузинова..., с.675). Как сообщает Ройзман, Нестеренко был убит в результате нелепого инцидента — застрелен человеком, пришедшим купить водки и получившим от него грубый отказ (Ройзман М.Д. Все, что я помню о Есенине, с.78). После этого заведовать «Кафе поэтов» и был приглашен отец Ройзмана.

** О группе «ничевоков» см.: Грузинов И. Маяковский и литературная Москва, с.680—686; Литературные манифесты от символизма до наших дней. Составил С. Джимбинов, М.: «Согласие» 2000, с.323—328; Рогожин Н.П. Литературно-художественные альманахи и сборники. 1918—1927 годы. М.: 1960, с.134. Художники народов СССР. Библиографический словарь. В 6 т. М.: 1983. Издательство «Искусство». Т. 4. Столбцы 295 и 296. Гордеева Н. Литературный Ростов 20-х годов. Ростов: Издательство Ростовского Университета. 1967. Стр. 20—21. Ройзман М. Все, что помню о Есенине. М.: 1973. С. 83—84.

В.Д.: Ну как же, «ничевоки» вошли в историю литературы. Земенков, Рюрик Рок*...

* Поэт Борис Сергеевич Земенков (1902—1963) некоторое время также примыкал к группе экспрессионистов. Рюрик Юрьевич Рок (наст. фамилия Геринг, 1899 — после 1932) — поэт и журналист; в 1920-е гг. работал в Государственном театре имени В.Э. Мейерхольда; в начале 1926 г. уехал за границу.

В.А.: Потом этот Рюрик Рок проворовался и его посадили в уголовный розыск*, но это все не имеет касательства...

* Сотрудничая с Всесоюзным союзом поэтов, Рюрик Рок в начале 1920-х гг. организовал мошенническую комбинацию, связанную с незаконным получением хлебных, продуктовых и промтоварных карточек, ордеров на обувь и одежду. После одного из заседаний правления Союза поэтов он забыл свой портфель; портфель открыли, и выяснилось, что Рок «заказал штамп и печать, подделал подпись председателя союза (в тот год им был И.А. Аксенов) и написал требования на всевозможные карточки и ордера. Он мог сбить их на Сухаревке» (Ройзман М.Д. Все, что я помню о Есенине, с.84—85).

” Тогда я, кончив среднюю школу, не начал еще высшего образования, потому что время было такое, что учиться не хотелось.

Я служил в советском учреждении, только одевался по-военному: в галифе, в краги и во френч... Так вот, я приходил иногда сюда, и однажды было так: я среди других посетителей слушал поэтов. Очередное слово получил поэт Ипполит Соколов. Он и сейчас жив, только он давно стал кинокритиком или чем-то такое — скучный и безнадежный человек*. Да и тогда он писал очень глупо и плохо, с некоторым количеством непристойностей и нелепостей, чтобы обратить внимание на его вирши**. Вот он стал читать. Публика не желала слушать: все галдели, стучали ложками, уничтожая кашу-размазню, смеялись и прочее. Тогда он приостановил чтение и сказал кому-то (из официантов, вероятно): «Попросите, пожалуйста, дежурного члена правления Союза поэтов». И тут появился в дверях, ведущих во внутренние комнаты — кухня, а там же и кабинет правления, — появился дежурный член правления Союза поэтов — Сергей Александрович Есенин. Он был трезвый, скучный, хмурый и, ставши на пороге зала, сказал Соколову: «Ну, чего тебе?» Соколов сказал: «Галдят, не слушают». Есенин обратился к собравшимся со следующим увещательным словом — он сказал: «Вы, фармацевты, вы или, значит, слушайте, или уходите отсюда. Что вы сюда притопали в кормушку?» — зевнул и ушел. «Фармацевтами» тогда называли всех людей, которые не имели отношения к искусству. Да, «фармацевты» эти были и меценаты, и пошляки, и обыватели, это было емкое определение. Публика немножко примолкла. Соколов опять стал читать — тогда опять загалдели, прошло минут десять — он опять сказал: «Попросите дежурного члена правления». Есенин вышел уже сердитый и сказал: «Ну что еще?» — «Так вот — не слушают!» — «Эка беда, ей-богу, с ними! Вот что, фармацевты, вы или слушайте, действительно, или идите все к такой-то матери!» Причем он точно сказал, к какой матери нам всем надлежит идти. Это вызвало необыкновенную ярость

у значительной части собравшихся.

- * Ипполит Васильевич Соколов (1902—1974) был лидером группы экспрессионистов, автором двух основных деклараций русского экспрессионизма. Впоследствии проявил себя как киновед и кинокритик; в 1930-е гг. — редактор студии «Межрабпомфильм», научный сотрудник Научно-исследовательского сектора Государственного института кинематографии (ГИКа), в 1940—1960-е гг. — преподаватель теории и истории кино в Литературном институте, ВГИКе, МГУ. Дувакин записал и несколько бесед с Соколовым в мае-июне 1971 г. (ОУИ НБ МГУ, ед. хр. №№200—207).
- ** Ср. суждение еще одного современника о Соколове и его творчестве: «Изготовив несколько стихотворений, которые, по мнению их автора, вполне соответствовали программе литературной школы экспрессионистов, глава этой школы начал в дальнейшем рьяно выступать с ними на московских эстрадах. В его стихах фигурируют “скунс трав”, “паровоз со лбом Ипполита Тэна” и много других вещей такого же сорта» (Грузинов И. Маяковский и литературная Москва, с.655). Кстати, Ройзман отмечал, что Соколов «боялся заразиться через рукопожатие и ходил, даже в июле, в черных перчатках» (Ройзман М.Д. Все, что я помню о Есенине, с.85).

В.Д.: А были именно «фармацевты» больше? Там поэтов...?

В.А.: Там сидели люди разного социального положения.

В.Д.: Я понимаю, но не поэты?

В.А.: Нет, это было не для поэтов, а для посетителей кафе. Там бывали отдельно состязания поэтов, заседания и прочее. А это была ежедневная публика кафе, которую привлекала возможность хоть что-то съесть*. Когда они обиделись — большая часть публики, — то тут произошел интересный эпизод. Среди присутствовавших был такого левоэсеровского типа интеллигент с черными усиками, в пенсне, в военизированном костюме и красных чакчерах (чакчеры — это гусарские штаны из красного сукна). Он был с какой-то миловидной дамой, и, судя по их поведению, можно было понять, что у них, так сказать, лирическая стадия наступающего романа. Они ворковали, все было очень хорошо. Но когда они выслушали предложение Есенина, то он так обиделся, что куда-то удалился — к телефону, очевидно, — и вызвал наряд с Лубянки для проверки документов**. Очевидно, цель у него была такая: арестовать за это хамство Есенина, но пока это все осуществилось, Есенин ушел домой, а нас всех заставили пройти через проверку документов, потому что с обоих выходов из кафе стали часовые с ружьями. Я лично вернулся домой в 4 часа утра, а человек пять или восемь были взяты под арест и отвезены на Лубянку. Вот так развивался весь этот инцидент***.

- * Поэт и прозаик Н.Г. Полетаев (1889—1935) передавал похожий эпизод воспоминаний о Есенине, в котором он, впрочем, выступает не как дежурный от Союза поэтов, а как рядовой выступающий в кафе: «После меня объявляют Есенина. Он выходит в меховой куртке, без шапки. Обычно улыбается, но вдруг неожиданно бледнеет, как-то отодвигается спиной к эстраде и говорит: — Вы думаете, что я вышел читать вам стихи? Нет, я вышел затем, чтобы послать вас к...! Спекулянты и шарлатаны!.. Публика повскакала с мест. Кричали, стучали, налезали на поэта, звонили по телефону, вызывали „чеку“. Нас задержали часов до трех ночи для проверки документов. Есенин, все так же улыбаясь, веселый и взволнованный, притворно возмущался, отчаянно размахивал руками, стискивая кулаки и наклоняя голову “бычком” (поза дерущегося деревенского парня), странно, как-то по-ребячески морщил брови и оттопыривал красные, сочные красивые губы. Он был доволен» (Н.Г. Полетаев. Есенин за восемь лет // Воспоминания о Сергее Есенине. Т.1, М.: «Художественная литература», 1986, с.297—298).
- ** В письменных мемуарах Ардов здесь добавляет в скобках: «В те времена вызвать наряд из комендатуры или чека было сравнительно легко для лиц, прикосновенных к соответствующим органам; бдительность, как мы теперь говорим, была на высоте» (РГАЛИ, ф.1822, оп.1, д.157, л.40).
- *** Мариенгоф в своих мемуарах описывает похожую историю с Есениным, случившуюся в «Кафе поэтов» во время выступления Рюрика Ивнева. Есенин так же пытался успокоить одного из шумевших посетителей («недорезанных буржуев»). После неудачи, «подойдя к столику “недорезанных”, он со словами: “Милости прошу со мной!” — взял получеловека за толстый в дырочках нос и, цепко держа его в двух пальцах, неторопливо повел к выходу через весь зал. При этом говорил по-рязански: — Пордон... пордон... пордон, товарищи». (Мариенгоф А.Б. Мой век, мои друзья и подруги // Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича и Грузинова, с.131). Судя по всему, такие скандальные ситуации возникали в «Кафе поэтов» нередко. Комарденков тоже писал: «Иногда во “Всероссийском союзе поэтов” возникали скандалы. Их причиной было то, что некоторые посетители, не имевшие отношения к поэзии, мешали слушать стихи. Экспансивный Сергей Есенин пытался водворить порядок, а любителям скандалов только этого и было нужно. Кончалось тем, что скандаливших общими силами выгоняли» (Комарденков В. Дни минувшие. (Из воспоминаний художника), с.69).

В.Д.: Это вы сами были свидетелем?

В.А.: Да, да.

В.Д.: Вы были в публике?

В.А.: Я был в публике, я видел этого человека, который в оскорбленном состоянии* вызвал наряд для обыска, так сказать, для проверки документов, и я сам слышал этот прелестный комплимент из уст поэта.

* По версии Мариенгофа, посетители кафе не только не были оскорблены демаршем Есенина, но, напротив, приняли все с восторгом: «После этого веселого случая дела в кафе пошли еще лучше: от “недорезанных буржуев” просто отбоя не было. Каждый, вероятно, про себя мечтал: а вдруг и он прославится — и его Есенин за нос выведет» (Мариенгоф А.Б. Мой век, мои друзья и подруги // Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича и Грузинова, с.131).

В.Д.: Это что ж, был 18-й еще год, до восстания эсеровского? Или позже?

В.А.: 20-й.

В.Д.: Ах, 20-й уже. Значит, Блюмкина уже...

В.А.: Блюмкин бывал там*.

* Яков Григорьевич Блюмкин (1898—1929) — на рубеже 1910—1920-х гг. левый эсер, террорист; после разрыва с партией левых эсеров состоял в 1920—1923 гг. для особо важных поручений при наркоме по военно-морским делам Л.Д. Троцком, в середине 1920-х гг. был сотрудником Иностранного отдела ОГПУ, резидентом советской разведки за границей — об этом Ардов будет рассказывать далее. Блюмкин как частый посетитель «Кафе поэтов» описывается в воспоминаниях Мариенгофа (Мариенгоф А.Б. Мой век, мои друзья и подруги, с.137—140), Шершеневича (Шершеневич В.Г. Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910—1925 гг., с.612—614) и Ройзмана (Ройзман М.Д. Все, что я помню о Есенине, с.108—110).

В.Д.: Бывал еще, да? Но это был не Блюмкин — «эсеровского типа человек»?

В.А.: Не-е-ет! Блюмкин был некрасивый еврей, похожий на иллюстрации к Шолом-Алейхему, да еще с заячьей губой. Вы знаете, что значит заячья губа?

В.Д.: Раздвоенная.

В.А.: Когда шрам от носа идет и разделяет верхнюю губу пополам. С Блюмкиным я был шапочно знаком тоже, но... Нет, Блюмкина не было в тот вечер. Он ведь в 19-м году, после своего покушения на графа Мирбаха, убежал...

В.Д.: В 18-м.

В.А.: В 18-м он убежал, а потом прислал Дзержинскому покаянное письмо, его вернули, и даже он опять работал в ЧК, потом был нашим представителем в Монголии — от ЧК. В Монголии боролись красные с белыми. Он схватил какого-то белого полковника, не согласовав с монгольскими властями, выслал его в Москву, где полковника расстреляли, а монгольское правительство попросило убрать Блюмкина. После этого он вернулся. Я еще с ним встречался в начале 20-х годов, совершенно шапочно, в каких-то компаниях, а потом он «погорел», как принято у нас говорить, на том, что привез от Троцкого письмо Радеку. Вы это знаете? Причем когда он позвонил Радеку и сказал, что, вот, он был на Западе у Льва Давыдовича и тот его просит передать, Радек стал кричать, что ему надоели провокации и прочее, а Блюмкин был арестован и расстрелян за эту акцию уже.

В.Д.: 31-й год уже?

В.А.: Да, кажется, позднее*. Блюмкин был человек неприятный, тяжелый**.

* Блюмкин был арестован и расстрелян в 1929 г. См. об этом: Леонов Б. Последняя авантюра Якова Блюмкина. М.: «Отечество», 1993.

** Ср. описание внешности Блюмкина в воспоминаниях Ройзмана: «Яков Блюмкин сразу привлекал внимание: среднего роста, широкоплечий, смуглолицый, с черной ассирийской бородкой. Он носил коричневый костюм, белую рубашку и ярко-рыжие штиблеты» (Ройзман М.Д. Все, что я помню о Есенине, с.109). По словам Мариенгофа, Блюмкин «был большой, жирномордый, черный, кудлатый с очень толстыми губами, всегда мокрыми» (Мариенгоф А. Мой век, мои друзья и подруги. // Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича и Грузинова, с.138).

В.Д.: Авантюрный очень.

В.А.: Да, лучше поговорим о Есенине. Когда мне говорят о лирике Есенина, я должен сказать, что я понимаю увлечение народа этой светлой и талантливой фигурой. Действительно, это замечательный лирический поэт. Есенин был обаятелен необыкновенно.

И была у него одна особенность: у него были волосы, равных которым я никогда в жизни не видел ни до, ни после: они были не просто белокурые — они были розовато-белокурые, они были такие тонкие и такие кудрявые, что этот чуб надо лбом — он жил как будто своей собственной жизнью, он шевелился без ветра... Понимаете?

Вот полный покой, и хозяин волос спокоен, а волосы как-то живут. Это было удивительно. Женщины его обожали. Ну, это понятно: при таком темпераменте, таланте, при этой лирической взволнованности и так далее.

Читал свои стихи Есенин совершенно потрясающе. Он и так, я говорю, был обаятелен, а когда он начинал читать, то, во-первых, вырастали стихи. Это бывает у очень немногих поэтов. Вот так читал Пастернак свои стихи: самые сложные и запутанные места в его произнесении делались ясными и простыми. Он тоже вот так — весь уходил в стихи, в поэзию.

Что касается Есенина, то он весь преображался. Я вот сейчас вам расскажу о другой стороне личности Есенина, так сказать, обыденной, бытовой, но я должен сказать, что, когда он выходил на эстраду, закрывал глаза, как, наверное, хлысты закрывают глаза, когда на них «накатывает»*, когда он протягивал вперед правую руку ладонью книзу, было впечатление, что он ощупывает те слова, которые он говорит. У него была манера, как у всех поэтов, преувеличивать ритмический строй стихов за счет их смыслового ряда. Так читают все настоящие поэты, говорят, так читал и Пушкин, так читал Лермонтов, так читал Тютчев, так читал Маяковский, у которого ритм превалировал. А Есенин читал так, что он гипнотизировал аудиторию**. Я даже попробую вам симитировать. Прочту две фразы, как я их запомнил. Он читал «Пугачева» своего и говорил так (*читает, подражая интонационно*):

Ой... как болит нога!..

Ржет дорога в жуткое пространство.

Ты ли, ты ли, разбойный Чаган...***

и так далее. Это, конечно, очень слабая копия.

* О ритуалах хлыстовской секты, а также вообще о значении мистического сектанства для русской литературы см.: Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М.: «Новое литературное обозрение», 1998.

** Ср.: «Разумеется, такой эмоциональный и органичный поэт, как Есенин, читал для себя, а не для публики. Но и воздействие его чтения на слушателей было огромное, несмотря на то, что Есенин скандировал очень напряженно, бытовых и декламационных интонаций не признавал. Когда Есенин окончательно входил в стихию своей поэзии (а это происходило почти сразу после начала чтения, ибо возбудимость и темперамент его были очень велики), перед нами появлялся как бы простой русский мужик, одержимый потоком чувств и мыслей необыкновенно конкретных. Что-то было в этом от хлыстовских радений: такая же тут играла сила, независимая от человека, ею охваченного; такой же бурный и четкий возникал ритм; так же глубоко национальна была интонация напева (а не артистических украшений или игры в бытовое правдоподобие). Крестьянская суть поэта предстала перед слушателями удивительно цельной. Отлетали все фатовские и озорные повадки Есенина в жизни. Суетная погоня за славой словно и не существовала никогда для молодого поселянина» (Ардов В.Е. Два слова о Есенине // РГАЛИ, ф.1822, оп.1, д.157, л.46—47).

*** Неточная цитата из поэмы «Пугачев».

В.Д.: Простите, а он тоже ёкал, или это ваше? Вы немножко хокаете.

В.А.: Он немножко окал...

В.Д.: Нет, не окал, а ёкал.

В.А.: Да, вот это удивительно: рязанец говорил мягкое гортанное «г»*. Вот у меня оно существует потому, что я родился в Воронеже, и хотя там, в Воронеже, чистое русское произношение, московское, но мягкое «г» с Украины, с Области войска Донского, в воронежском диалекте существует. Оно и у меня иногда возникает, особенно к старости. А почему рязанец Есенин говорил мягкое «г», я понять не могу, но это было именно так.

* Ср. мнение еще одного слушателя Есенина: «Букву “г” Есенин выговаривал мягко как “х”. <...> Со сцены он <...> читал громко — чуть “окая»» (Шнейдер И.И. Встречи с Есениным. Воспоминания. М.: «Советская Россия», 1965, с.28).

В.Д.: Это очень важно.

В.А.: Да. Вот какой это был человек. Теперь — позвольте процитировать еще одно место из романа Мариенгофа «Роман без вранья». Он описывает чрезвычайно, по-моему, характерный эпизод. В 20-х годах, в начале, где-то в арбатских переулках происходит пожар, и туда сбегаются люди посмотреть на пожар, как это у нас на Руси принято. У нас есть даже болельщики пожарные. Покойный Зощенко хвастался, что он так любит пожары, что ленинградский брандмайор дал ему карточку с правом прохода на любой пожар. (*Дувакин усмехается.*) Так вот, значит, прибежали два молодых поэта — Есенин и Мариенгоф — и тоже стоят, любуются пожаром. А неподалеку от них, несколько в стороне от толпы, стоит высокий, красивый блондин с надменным выражением лица, так лет пятидесяти, около него какая-то вроде челядь, и — люди смотрят уже не на пожар, а на этого блондина. При наличии пожара они поворачиваются спиной к огню!

В чем дело? Шепот идет: «Шаляпин». Федор Иванович Шаляпин, который жил на Новинском бульваре, в своем доме, пришел тоже посмотреть на пожар, и толпа уже смотрит на него, а не на пожар.

И вот Есенин говорит Мариенгофу: «Толя! Мне чего вот и надо: чтобы люди смотрели не на пожар, а на меня». Это я цитирую, товарищи, это не беру на себя*...

* Ардов здесь смешивает два эпизода из «Романа без вранья». Мариенгоф сначала рассказал о пожаре в Нижнем Новгороде, где он заметил Шаляпина: «Несколько поодаль стоял человек почти на голову выше ровной черной стены из людей. Серая шляпа, серый светлый костюм, желтые перчатки и желтые лаковые ботинки делали его похожим на иностранца <...> Стоял он, как монумент из серого чугуна. И на пожар он глядел по-монументовски — сверху вниз <...> Вдруг кто-то шепотом произнес его имя — оно обежало толпу. И тот, кто соперничал с чугуном, стал соперничать с пожаром» (Мариенгоф А. Роман без вранья // Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича и Грузинова, с.314). А следующий эпизод (уже без пожара, кстати) произошел «через много лет» в Москве: «Держась за руки, мы бежали с Есениным по Кузнецкому мосту. Вдруг я увидел его. Он стоял около автомобиля. Опять очень хороший костюм, очень мягкая шляпа и какие-то необычайные перчатки <...> Так же обгоняющее тыкали в его сторону пальцами, заглядывали под шляпу и шуршали языками: Шаляпин. Я почувствовал, как задрожала от волнения рука Есенина. Расширились зрачки. На желтоватых, матовых его щеках от волнения выступил румянец. Он выдал из себя задыхающимся (от ревности, от зависти, от восторга) голосом: — Вот так слава!» (Там же, с.315. Курсив и разрядка Мариенгофа).

В.Д.: Это «Роман без вранья»?

В.А.: Да. Это удивительно характерный и важный эпизод. И вот я вам скажу: если вы посмотрите на любой портрет Есенина, где нету ретуши и дурацкого стремления сделать из него красавца (а ему не надо было быть красавцем, потому что его успех был такой, какого ни один красавец никогда не имел), — лицо у него было не совсем правильное — очертания... Кстати, вы видели памятник Есенину на бульваре?

В.Д.: Это недавно открыли?

Памятник Сергею Есенину на Есенинском бульваре. dic.academic.ru

В.А.: Открыли. Я вам могу показать фотографию этого памятника, потому что это удивительное произведение. Скульптор, который Есенина никогда не видел, сделал ему... всю фигуру сделал очень интересно, хорошо, убедительно, реалистично — и символично вместе с тем*... Но главное, что он уловил то выражение лица, которое возникало у самого Есенина, когда он читал стихи. Я вам сейчас покажу это. Если нужно, добудем вам такую фотографию. Так вот, у Есенина, по пошлым взглядам, должно было быть баранье выражение лица человека, который все время грезит о чем-то прекрасном — так пошляки себе представляют поэта. У него было хитрое, иногда циничное выражение лица — вот это самое интересное. И в жизни он был не простачок-дурачок, а очень, я бы сказал, активный и именно хитрый человек. Он смотрел всегда с какой-то иронией, как будто говорил: «Я-то ведь понимаю, из-за чего ты это делаешь, из-за чего ты это говоришь, чего тебе надо».

* Речь идет о памятнике Есенину, поставленном на Есенинском бульваре (в районе Волгоградского проспекта) в 1972 г. Авторы памятника скульптор В.Е. Цигаль и архитекторы С.Е. Вахтангов и Ю.В. Юров. Напомню, что к столетию поэта, в 1995 г. был поставлен еще один памятник, на Тверском бульваре, созданный скульптором А. Бичуковым (см.: Москва. Энциклопедия. М.: «Большая российская энциклопедия», 1997, с.285).

” **Смотреть ему в глаза было трудновато — такой он был глубокий хитрец, я бы сказал...**

И это не мешало его поэзии ни в какой степени. Я вообще не намерен как-то снижать ценность того,

что он сделал, потому что это просто глупо: ведь он же растет и растет — как поэт. Но вот эта хитреца, это умение устраивать свои дела, это умение понимать других людей и понимать, так сказать, глубже, чем ждали от лирического поэта люди, — оно ему всегда было свойственно. Например, он говорил время от времени: «Пошуметь надо, а то уже стали забывать меня». И тут возникал какой-нибудь такой эффект, которого никто не ждал и который одних веселил, а других приводил в бешенство. Известен случай, когда в пьяном виде он попал в милицию и, чтобы доказать, что он и его товарищи — люди, причастные к литературе, сказал: «Позвоните Демьяну Бедному! Он вам скажет, кто я такой». Позвонили Демьяну, а Ефим Алексеевич сказал: «Безобразничает? В милиции? Ну и пусть сидит, нечего дурака валять!»

Так вот, я должен вам сказать, что это сочетание практической сметки, хитрости... Я помню, я пришел в другое кафе — «Стойло Пегаса», оно было на углу Малого Гнездниковского переулка и улицы Горького (тогда Тверской). Сейчас этот дом ликвидирован, а на его месте...

В.Д.: Малый или...

В.А.: Малый, Малый Гнездниковский... Сейчас на углу там магазин стекла и, кажется, рыбный магазин, но это все на месте старого здания. Отодвинут новый дом, а старый дом, в котором был какой-то маленький театрик и еще какие-то магазины, — он на углу на самом завершался кафе «Бом». Почему «Бом»? Потому что великие клоуны Бим-Бом, знаменитые, они разделили свою антрепренерскую деятельность: Бим — Радунский, который помер чуть не ста лет недавно, здесь, в Советском Союзе*, он был антрепренером и директором цирка на Цветном бульваре...

* Иван Семенович Радунский, родившийся в 1872 г., скончался в 1965 г. в 93-летнем возрасте.

В.Д.: Никитинского. (В ответ на недоуменный молчаливый вопрос Ардова.) Цирк Никитиных назывался.

В.А.: Зачем? Цирк Никитиных — там, где сейчас Театр сатиры... там, где Театр сатиры на Маяковской, а на Цветном бульваре — бывший цирк Саламонского*, антрепренером и директором был клоун Бим. А клоун Бом — Станевский, отличный комик (когда он смеялся, смехом отвечал весь цирк; он был рыжий, а Бим был белый**), так вот, Станевский держал кафе «Бом»***. Это кафе «Бом» было, конечно, закрыто, да и сами Бим-Бом удрали за границу, по-моему****, а вот Мариенгоф с Есениным взяли на себя антрепризу и устроили «Стойло Пегаса». Там было то же самое, что и в кафе «Домино» (то есть в «Кафе поэтов»), но тут они были хозяевами, тоже выступали и прочее. Я навещал и это кафе, и я помню, что-то я кричал из-за своего столика, когда ко мне подошел уже походкой хозяина Есенин и укоризненно мне сказал: «Ну что вы, свой тип, а кричите, а нас потом милиция штрафует, давай потише». Вот как он мне сказал.

* Цирк Альберта Ивановича Саламонского (1843—1913) был открыт в 1880 г. в специально построенном здании на Цветном бульваре; с середины 1890-х гг. Саламонский стал сдавать его различным предпринимателям. Первые представления цирка братьев Дмитрия, Акима и Петра Никитиных начались в 1886 году тоже на Цветном бульваре, в помещении панорамы «Плевна»; в 1911 г. Никитины построили специально оборудованное здание цирка на Триумфальной площади.

** Радунский работал под псевдонимом «Бим-Бом» с несколькими партнерами: сначала с Феликсом Кортези, потом (когда Кортези утонул) с Карлом Штейном. С 1898 г., более двадцати лет, он выступал с Мечиславом Антоновичем Станевским. Об этих выступлениях Радунский вспоминал: «Я <...> выходил в клоунском костюме, а он [Станевский] появлялся в ультрамодном смокинге, в цилиндре, надетом слегка набекрень, с огромной хризантемой в петлице. Грима мой партнер почти не клал, парика тоже не надевал. Я играл человека наивного, сохранившего как бы детские черты, а Станевский изображал самоуверенного пшюта. На этом различии образов мы и строили наши номера» (Радунский И.С. Записки старого клоуна. Под редакцией А.Ю. Дмитриева. М.: «Искусство», 1954, с.67).

*** «Клоуны С. Гарин и И. Радунский открыли на Тверской кафе "Бим-Бом", приют циркачей и эстрадников» (Комарденков В.П. Дни минувшие (Из воспоминаний художника). М.: «Советский художник», 1972, с.45).

**** В 1920 году Станевский, поляк по национальности, уехал в Польшу и пригласил Радунского возобновить там совместную работу. Это продолжалось до 1925 г., когда Радунский вернулся в СССР. Его новым партнером стал Н.И. Вильтзак, а затем, с конца 1930-х гг., А.П. Камский.

И я должен вам заметить, что вообще пошлые люди понимают все однозначно. Не могу не привести поразительный случай, который мне рассказывал мой покойный друг Иван Семенович Ефимов — скульптор-анималист, его работы во многих музеях Советского Союза и западных*. Он был сверстник и друг Анны Семеновны Голубкиной, скульптора. Она поехала в Ясную Поляну лепить Толстого**. Приехала, он ей говорит: «Ну, что ты скажешь мне о Толстом?» Она сказала: «Что я скажу? Это волк! У него глаза волчьи!»*** Это удивительно, потому что дурак или дура обнаружили бы в Толстом волю, благостыню эту, стремление никого не съесть, никого не обидеть, а она правильно сказала — у него были

глаза гения, он все видел!**** (Пауза.)

- * Следует, впрочем, отметить, что И.С. Ефимов (1878—1959) как раз обижался, когда его называли скульптором-анималистом, — считая свое творчество далеко выходящим за рамки данного определения. Он занимался графикой, кукольным театром, монументальной скульптурой (оформление станции метро «ЗИС», ныне «Автозаводская», вестибюлей Ярославского вокзала и т.д.) ... См.: Ефимов И.С. Об искусстве и художниках. Художественное и литературное наследие. / Составители А.Б. Матвеева, А.И. Ефимов. М.: «Советский художник», 1977.
- ** А.С. Голубкина (1864—1927) посетила Л.Н. Толстого один раз, по-видимому, в 1900 году, но не в Ясной Поляне, а в Москве. Она не собиралась лепить писателя, а просто пришла с ним побеседовать. Как вспоминал Х.Н. Абрикосов, в беседе участвовало несколько рабочих с Прохоровской мануфактуры. Толстой заговорил о необходимости изнутри сломать внешний существующий строй, заменяя себя любовью, корысть и злобу любовью, смирением и милосердием. «При этих словах Голубкина вдруг вскочила и со словами: “Это все пяточки какие-то!” — ушла. Лев Николаевич посмотрел ей вслед. — Какая странная женщина, — сказал он» (Абрикосов Х.Н. Двенадцать лет около Толстого // Летопись Государственного Литературного музея. Кн.12. Т.II. М., 1948, с.407. См. также: Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Л.Н. Толстого. Т.2. М.: ГИХЛ, с.341—342). Когда Голубкина пришла в другой раз, ей сказали, что Толстой не может ее принять. Знаменитый скульптурный портрет писателя был создан Голубкиной по памяти лишь в 1927 году (для Московского дома-музея Толстого); он выполнен в дереве, перевести свой замысел в более прочный материал она уже не успела...
- *** По воспоминаниям живописца и графика А.А. Хотяинцевой, Голубкина говорила: «Толстой, как море... но глаза у него, как у затравленного волка!» (см.: А.С. Голубкина. Письма. Несколько слов о ремесле скульптора. Воспоминания современников. М.: «Советский художник», 1983, с.197). Кстати, в воспоминаниях Ефимова о Голубкиной (см.: Ефимов И.С. Об искусстве и художниках. Художественное и литературное наследие..., с.187—191) эта фраза не приводится. Ср. в этой связи другое свидетельство Ефимова, рассказавшего о том, как он в период работы Голубкиной над памятником адвокату Ф.Н. Плевако (в образе Златоуста) ходил с ней в зоологический сад: «Там мы увидели львят, которые воспитывались у сторожихи в комнате. <...> Один львенок был болен. А.С. к нему присела и долго смотрела. <...> Через два дня она сделала новую голову Златоуста. Глаза у него были львиные. Необыкновенно смелый ход мыслей, и именно такие глаза были нужны» (там же, с.189).
- **** Этот же эпизод с Голубкиной и ее словами о «волчьих глазах» Л.Толстого (и тоже со ссылкой на А.И. Ефимова) Ардов рассказал в своих воспоминаниях о Ю.К. Олеше (Ардов В.Е. Штрихи к портретам..., с.67; Ардов В.Е. Великие и смешные..., с.82).

Так вот и Есенин — он был тоже неоднозначный: его всякие озорные поступки, его резкие высказывания, его вот эта житейская хитрость и даже налет цинизма в его оценках и отношениях к людям — это было на самом деле... легко сочеталось с его лирическим дарованием и ни в какой мере не мешало. Например, я вам расскажу не очень пристойное высказывание Есенина, которое надо сохранить все-таки. В Москве, в 21-м, кажется, году, появился поэт Иван Александрович Аксенов. Он зарекомендовал себя впоследствии тем, что он был великий знаток Шекспира*, даже справочник по шекспировским персонажам писал, очень долго работал с Мейерхольдом в качестве завлита, был переводчиком, по-моему, «Великодушного рога носца» — это фарс Кроммелинка, который сделал эпоху в русском театре и вызвал скандал в прессе в 22-м году**. Но с Мейерхольдом долго работать было нельзя, он всех выгонял, и Аксенова объявил врагом***, но это неважно. Важно, что Аксенов был небольшого роста человек с лысым черепом-желудом, как у Пуришкевича****...

- * Перу И.А. Аксенова (1884—1935) принадлежит ряд работ, посвященных У.Шекспиру и его современникам: Елизаветинцы. Сборник статей и переводов (два выпуска, 1916, 1938); Шекспир. Сборник статей. Ч.1 (1935). Он, кроме этого, был автором первой написанной на русском языке монографии о Пабло Пикассо (Пикассо и окрестности. М.: «Центрифуга», 1917), нескольких сборников стихотворений (Неуважительные основания. М.: «Центрифуга», 1916; Серенада. М.: «Центрифуга», 1920 и др.), стихотворной трагедии «Коринфяне» (1918), многочисленных статей о советском театре и советских художниках; и т.д. Кстати, одной из значительных работ Аксенова в сфере театроведения была большая статья «Мария Ивановна Бабанова» («Театр и драматургия», 1933, №8, с.38—48. См. также недавнюю перепечатку этой статьи в книге: Берновская Н.М. Бабанова: «Примите... просьбу о помиловании...». Воспоминания и письма. М.: «Артист. Режиссер. Театр», 1996, с.344—365).
- ** Фернан Кроммелинк (F. Crommelink, 1888—1970), бельгийский драматург, писавший на французском языке. В его пьесах («Ваятель масок», 1908; «Ребячливые любовники», 1921; «Великодушный рога носец», 1922; «Женщина с чересчур маленьким сердцем», 1934; и т.д.) причудливо сочетались традиции трагедии и фарса. Пьеса Кроммелинка «Великодушный рога носец» в переводе Аксенова вышла в Госиздате в 1926 г. (в серии «Универсальная библиотека»). Об этой пьесе и о дискуссии, вызванной ее постановкой в театре В.Э. Мейерхольда, Ардов подробно расскажет в четвертой беседе.
- *** О сложном характере Мейерхольда (в частности, о том, как драматично завершались его отношения со многими друзьями, сподвижниками и учениками) Ардов тоже расскажет Дувакину в четвертой беседе.
- **** Имеется в виду В.М. Пуришкевич (1870—1920), крайне правый депутат Государственной думы; лысина Пуришкевича была общеизвестной.

В.Д.: Я помню его.

В.А.: А борода была огромная, на полгруди...

В.Д. (с удивлением): Он тогда бороду носил?

В.А.: Он носил такую бороду, что она прикрывала всю грудь и даже плечи.

* Судя по всему, борода Аксенова осознавалась многими едва ли не в качестве значимого культурного феномена. Характерно, как Эйзенштейн в своих воспоминаниях описывает внешность Аксенова в 1922 году: «Стадия Аксенова — безбородость. Рыжая борода лопатой, развевавшаяся агрессивным стягом из-под контура древнего шлема буденовца, снята. <...> Непривычный абрис головы Аксенова без бороды. Лицо асимметрично. Воспаленные круги глаз, когда открыты. <...> И кажется, что рыжеватые остатки пуха растут прямо из костной основы лица, лишенного других покровов» (Эйзенштейн С.М. Мемуары. Т.1. Wie sag' ich's meinem Kinde?! М.: Редакция газеты «Труд», Музей кино, 1997, с.216. Ср запись Э.Л. Миндлина о том, что Аксенов «ухмылялся в свою большую, рыжую, почти ярко-красную бороду» (Миндлин Э.Л. Необыкновенные собеседники. 2-е изд. М.: «Советский писатель», 1979, с.228).

В.Д.: В 30-х годах он уже был бритый, в 30-х годах.

В.А.: Почему он был бритый, я вам и расскажу.

”

Когда пьяный Есенин в «Кафе поэтов» в первый раз увидел низкорослого человека в комиссарской шинели с переборками — так называли полосы на шинели — и с такой бородой, лысого, то он сказал: «Борода, как лес, а высраться негде». К вечеру Аксенов сбрил бороду*.

* В воспоминаниях Ройзмана рассказывается другая история, объясняющая причины, по которым Аксенов вынужден был сбрить свою бороду. Когда четвертого ноября 1920 года в Большом зале консерватории состоялся вечер «Суд над имажинистами», в качестве литературного обвинителя фигурировал В.Я. Брюсов, а в качестве гражданского истца — Аксенов. Оба они подвергли имажинистов ироническим нападкам, «подсудимые» выступили с острыми ответами. Очень умно говорил Есенин, следующим образом завершивший свою речь: «— А судьи кто? — воскликнул он, припомнив “Горе от ума”. И, показав пальцем на Аксенова <...>, продолжил: — Кто этот гражданский истец? Есть ли у него хорошие стихи? — И громко добавил: — Ничего не сделал в поэзии этот тип, утонувший в своей рыжей бороде! Это был разящий есенинский образ. Мало того, что все сидящие за судьейским столиком и находящиеся в зале консерватории хохотали. Мало того! В следующие дни стали приходиться посетители и просили показать им гражданского истца, утонувшего в своей рыжей бороде. Число любопытных увеличивалось с каждым днем. Аксенов, зампред Союза поэтов, ежевечерне бывавший в клубе, узнал об этом и сбрил бороду!» (Ройзман М.Д. Все, что я помню о Есенине, с.103—104).

(Дувакин усмехается.)

И вот что я вам еще в заключение расскажу. С 34-го по 37-й год я жил в Доме писателей в Нащокинском переулке — ныне улица Фурманова. Я был одним из членов правления этого кооператива и жил на первом этаже, в том подъезде, где жил Мандельштам, Матэ Залка и другие товарищи. Просто напротив моей двери была дверь в квартиру Сергея Клычкова*, и вот это соседство нас как-то сблизило, мы иногда встречались ненадолго, разговаривали и прочее. Клычков был один из друзей Есенина. Он со слезами на глазах говорил мне, что гибель Есенина в гостинице «Англетер» в Ленинграде — это печальный случай, обусловленный вот чем... Он привел то обычное изречение Есенина, которое я вам уже сегодня сказал, — «Надо пошуметь, а то забывают». Он утверждает, что Есенин кончать жизнь самоубийством не хотел, он хотел симулировать самоубийство для того, чтобы все опять о нем потом заговорили. Жил он вместе со своим другом — как же его звали? Вольф... забыл... поэт... Вольф... Вы не помните? Я был знаком с этим посредственным поэтом**.

* Ср.: «Клычков, дикий человек кротчайшего нрава, цыган сярко-синими глазами <...>» (Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М.: «Согласие», 1999, с.310).

** Имеется в виду поэт Вольф Иосифович Эрлих (1902—1937). Ройзман написал о нем: «Вольф Эрлих был честнейшим, правдивым, скромным юношей. Он романтически влюбился в поэзию Сергея Есенина и обожал его самого. Одна беда — в практической жизни он мало что понимал. “Милый мальчик”, — говорил о нем Есенин, и, пожалуй, лучше не скажешь» (Ройзман М.Д. Все, что я помню о Есенине..., с.262). См.: Эрлих В.И. Право на песню. Воспоминания об Есенине. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1930. В книге В.И. Кузнецова «Тайна гибели Есенина: По следам одной версии» (М.: «Современник», 1998, с.42—51) высказывается предположение, что Эрлих был секретным агентом ГПУ и, выполняя соответствующее задание, принял непосредственное участие в убийстве поэта. Однако 4 апреля 1956 г. Военная коллегия Верховного суда СССР отменила все обвинения в адрес Вольфа и все разбирательства по его делу были прекращены «за отсутствием в его действиях состава преступления» (см.: Дичаров З. В.И. Эрлих // Распятые. Писатели — жертвы политических репрессий. Вып.3. Палачей судит время. СПб: Историко-мемориальная комиссия Союза писателей Санкт-Петербурга, Отделение издательства «Просвещение», 1998, с.233—237).

”

Он якобы ждал, пока в коридоре раздадутся ночью шаги, с его точки зрения, возвещающие о том, что возвращается домой этот Вольф, и сунулся в петлю, понимая, что он сейчас откроет дверь и войдет. А шел другой человек в другой номер. И поэтому он якобы погиб.

Я не могу сказать, что это убедительная версия, но она характерна для памяти о Есенине, для его поведения и для всего этого комплекса... Видите, какая штука.

Царское Село, С.А. Есенин и В.И. Эрлих со студентами Сельхозинститута у памятника А.С. Пушкину. 1924. Л.М. Богорад, Г.Я. Колядко [Public domain], via Wikimedia Commons. oldsp.ru/old/photo/view/24725

Я вам должен сказать еще одно впечатление от Есенина... Вот сейчас вышла интересная книга Ильи Шнейдера о том, как на его глазах Есенин познакомился с Айседорой Дункан и что из этого вышло*. Шнейдер — профессиональный деятель при балете (именно при балете, потому что он всегда был администратором или мужем балерины и прочее), по поручению Луначарского организовывал гастроль и студию Дункан в Москве, поэтому он был на том вечере у художника Якулова** в доме 10 по Садовой Большой, когда туда приехал Есенин и, по свидетельству Шнейдера, они как-то вдруг прямо прилипли друг к другу, как магнит и иголка, Айседора и Есенин. И вот он уехал с ней; конечно, связь была недолгой и не могла быть долгой, потому что оба они чересчур капризные гении, и разница в возрасте, и все прочее. Вернулся Есенин в Москву. В Политехническом музее в большой аудитории был назначен

его вечер. На правах журналиста я оказался за кулисами в тот момент, когда приехал сам Есенин с некоторым опозданием. Он появился, опять-таки с целью всех поразить, в костюме, который на Западе надевают вечером на бал или в оперу, то есть фрак, белый жилет, белый галстук, черный плащ на белой подкладке, цилиндр и трость с золотым набалдашником, без которой в Гранд-опера нельзя вечером прийти на спектакль. Но ее полагается сдать в гардероб.

* Ардов говорит о книге, которая уже выше цитировалась в одной из сносок: Шнейдер И.И. Встречи с Есениным. Воспоминания. М.: «Советская Россия», 1965.

** Близкий к футуристам и имажинистам художник Георгий Богданович Якулов (1884—1926) хорошо знал театральную среду, в начале 1920-х гг. оформлял ряд театральных и балетных спектаклей. Ройзман писал о нем в своей книге: «Георгий Богданович Якулов был очень талантливый художник левого направления: в 1925 году на Парижской выставке декоративных работ Якулов получил почетный диплом за памятник 26 Бакинским комиссарам и Гран При за декорации к “Жирофле-Жирофля” (Камерный театр). Якулов был одет в ярко-красный плюшевый фрак (постоянно он одевался в штатский костюм с брюками-галифе, вправленными в желтые краги, чем напоминал наездника)» (Ройзман М.Д. Все, что я помню о Есенине, с.37).

В.Д.: Хм!

В.А.: Вот он в таком виде появился. Когда он увидел нас — московских скромных завсегдаев кулис и спектаклей и диспутов, и творческих вечеров, у него появилось безумное смущение на лице. Это тоже очень характерно.

(Перерыв в записи.)

Дело в том, что Сергей Александрович понимал, что этот бальный наряд вечерний в Москве, для аудитории Политехнического музея, был, в общем-то, не очень-то уместен. Можно было так нарядиться только с целью показать, что вот он тоже прикоснулся к цивилизации Европы, что вот он теперь уже не прежний молодой человек из Рязани и из Москвы, а вот он, так сказать, побывал в самых лучших сферах западных столиц; но ему было немножко и совестно, потому что он был человек тонкий, чувствующий и ясно представлял себе, как он выглядит на фоне московской рядовой аудитории и прочее; и вообще, надо сказать, что когда Есенин совершал то, что он называл «пошумим», то у него всегда было ощущение какой-то виноватости, какого-то стремления показать, что это не очень всерьез*. А люди простые, люди, враждебно к нему настроенные, они серчали уже всерьез и поэтому до самой смерти он и не имел той популярности, к которой, в сущности, стремился.

* Ср. в мемуарах Л.В. Никулина описание есенинского костюма в артистическом кабаре «Эксцентрион» при Камерном театре: «Далеко за полночь пришел Есенин, он почему-то был во фраке, очевидно, для того, чтобы поразить нас, но эта одежда воспринималась именно как маскарадный костюм; мне помнится, он всячески старался показать свое пренебрежение к этой парадной одежде. Озорно, по-мальчишески, он вытирал фалдами фрака пролитое вино на столе <...> я вспоминаю <...> Есенина в одежде, которая на этот раз ему совсем не шла и была одета ради озорства» (Никулин Л.В. Памяти Есенина // Никулин Л.В. Люди и странствия. Воспоминания и встречи. М.: «Советский писатель», 1962, с.86).

” Нет сомнения, что Есенин понимал свое дарование, его размеры и прочее. А вот так все и получилось: умер — обрел славу.

В.Д.: Виктор Ефимович, справедливо ли все-таки такое категорическое заключение: ведь все-таки популярность Есенина в 24—25-м году, то есть последние два года жизни, была очень большой, очень большой. Я помню (ну, я в то время был школьником), — поголовно... с ума сходили и только ловили, где Есенин... Вот Есенин в «Перевале» выступал, я там присутствовал... Даже ходили всякие версии фантастические, даже самые такие пошло-романтические, à la Надсон, что у Есенина, видите ли, открылась чахотка, как полагалось вообще лирическому поэту. И Есенин и Маяковский все время были у всех на языке, так что можно ли сказать... Ведь, в сущности, его слава была после смерти резко административно обрублена, поскольку она была связана с так называемой «есенинщиной», и начиная примерно с 28-го года его вообще уже перестали издавать и только восстановили уже в 50-х годах... ну, в 48-м году вышел сборничек, а вообще его не издавали совсем долго. Так что как раз...

В.А.: Видите ли, вы просто заблуждаетесь, вы не отчетливо представляете себе, что такое слава. Во-первых, слава бывает, так сказать, частичной: в каких-то кругах имя данного художника, поэта, писателя, артиста уже утвердилось, а для каких-то она спорна и вызывает отпор и ярость. Мы говорим о славе

всенародной — вот такая возникла после смерти.

В.Д.: Тогда уж не после смерти, а лет тридцать после смерти.

В.А.: Ничего подобного! Обрубить славу административными действиями — не издавая книги или, там, пряча картины и прочее — невозможно. Вот в те годы, которые вы правильно отмечаете как годы отсутствия книг Есенина, ни в какой мере не мешали его популярности. Стихи переписывали, читали наизусть. Он уже жил у народа, и никто его не мог высадить, истребить это. Нельзя говорить о том, что административным путем можно чью-то славу купировать. Это неверная точка зрения.

”
Есенин в 40-х, 50-х, в 30-х годах цвел как любимый поэт народа. А что не выходили книги — это восполняется и рукописями, и, как это сейчас называется, самиздатом. И я сам неоднократно сталкивался (я ведь много ездил и выступал в те годы) — о Есенине люди говорили как о существующем, всем известном, всеми любимом поэте, которого дураки и бюрократы не издают. Вот так стоит вопрос.

О славе Маяковского

Теперь, что касается Маяковского, то с Маяковским произошло нечто обратное. Поскольку его подняли...

В.Д.: Это уже в 35-м году, через пять лет.

В.А.: Нет, минуточку, Маяковского... да, больше всего подняли в 35-м году. Я вам говорил в прошлый раз о реплике Брика о площади Маяковского... Нет? Вот я вам сейчас расскажу. Я дружил с Бриками, в 35-м году они жили в Ленинграде, потому что Лиля Юрьевна была замужем за заместителем командующего войсками Ленинградского округа генералом Примаковым, и когда я приехал в Ленинград, я позвонил им, и мне сказали: «Приходите скорей, Ардик, — как они меня все называли, — есть хорошие новости». Я пришел, Осип Максимович рассказал мне, что они написали Сталину, и Сталин наложил свою знаменитую резолюцию: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи».

В.Д.: «...Безразличие к его памяти и произведениям — преступление».

В.А.: «Тогда, — (это они говорят, я уж теперь с их слов говорю), — тогда, — говорят они, — Ардов сказал: „Дайте мне справку, что я его любил до этой резолюции“». Существенно еще вот что. Я спросил у Брика: «А что вы попросили в ответ на то, что вам сказали: „дайте предложения в ЦК“?» Он говорит: «Ну, мы попросили, там, переиздание, потом еще какие-то критические статьи, биографию, музей сделать, и потом — переименовать какую-нибудь площадь в Москве в площадь Маяковского. Нам сказали: „Выбирайте площадь“». И тогда, — сказал Брик, со свойственной ему интонацией (я тоже немножко передразню его), — он сказал: «Дайте нам площадь Триумфальную». Я сказал: «Почему Триумфальную?» Он сказал (*Ардов произносит следующие слова Брика, подражая ему*) «Остальные хорошие площади уже разобраны». Такой профессионализм в этом интересном, чрезвычайно редком вопросе, как переименование площади, меня тогда потряс. Но и действительно... Но вот что интересно, что народ сразу принял.

В.Д.: Принял, принял!

В.А.: Это не всегда бывает. Вот, например, улица Живодерка была потом переименована во Владимиро-долгоруковскую — в честь генерал-губернатора Москвы, и ее никто так не называл — называли Живодерка. Потом переименовали в улицу...

В.Д.: Красина?

В.А.: Нет, Фридриха Адлера — это социал-демократ левого уклона в Австрии* — никто не принял. А когда назвали Красина — согласились. Так и тут. Почему согласились сразу назвать Маяковского? Потому что «Триумфальная» — слово это такое, которое простой русский человек с трудом одолевает. Ну, вы знаете, что народ говорил... Трухмальная называли, Трухмальные ворота.

* Фридрих Адлер (1879—1960), один из лидеров австрийской социал-демократической партии и идеологов австромарксизма. В 1916 г. убил министра-президента К. Штурека за отказ восстановить права рейхсрата, распущенного в 1914 г. Был в числе организаторов и лидеров Социалистического рабочего (1923—1940) интернационала.

Так вот, я хочу сказать, что Есенин после смерти стал сразу знаменитым поэтом, имеющим всенародную славу, и никакие административные меры с этим ничего сделать не могли. А наоборот, к сожалению, чрезмерная поддержка — официальная — мешает Маяковскому, и многие люди воспринимают его как такого казенного поэта, что крайне прискорбно, потому что оборачивается видите вот как.

Есенин в кабаре «Нерыдай»

Я закончу одним только последним кусочком. В 22—23—24-м году в Москве существовало кабаре под названием «Нерыдай» (писалось в одно слово). Это было порождение нэпа — своеобразный театрик*, о котором кое-какие есть воспоминания; достаточно сказать, что в этом театре служил Игорь Ильинский, Рина Зеленая, служил Михаил Жаров**, ваш покорный слуга некоторое время подвизался в качестве конферансье***. В кабаре бывал Маяковский (я там с ним встречался), Якулов****, артисты МХАТа. Владимир Николаевич Давыдов, великий русский актер, будучи в Москве, обычно ходил туда ежевечерне и пел там под гитару куплеты и романсы, в чем он был великий мастер, он был настоящий актер*****. В своих мемуарах Давыдов пишет, что он даже в каком-то спектакле пел куплеты, стоя на большом шаре, то есть балансировал и пел куплеты*****. Я был с ним немножко знаком. Этот талантливый драматический — трагический и комический — актер <обладал еще> и эстрадн<ым> дарование<м>. Но это все неважно. В 23-м году... по-моему... кабаре помещалось там, где сейчас Московский театр юного зрителя — это бывший Мамоновский переулок, ныне улица Садовских. Вечером мы пришли компанией артистической, литературной молодежи и сели за длинный... Там столики были маленькие, а для нас, безденежной молодежи, дирекция заботливо готовила большой стол, где давали еду подешевле, а мы зато веселили бесплатно публику: чего-то мы пели, рассказывали, и на нас шли так же, как на программу. Так вот, мы сидели там и веселились. В это время туда пришел, к нам за стол сел — Есенин. Он был не один, а с Августой Миклашевской — она жива и поныне, ее воспоминания очень интересны******, между прочим; причем Есенин был необыкновенно добрый, тихий, трезвый, веселый. Он так шутил вместе с нами, так как-то включился в наше общество... А что касается Миклашевской, я должен сказать, что я никогда в жизни не видел женщину красивей, чем она. Она была феноменальная красавица: с лиловыми глазами, стройная... Артистка она была не ай-яй-яй, а вот красоты непомерной женщина. Ну, это ей он написал стихи, кажется — «...измызганной...», нет?

* Атмосфера кабаре «Нерыдай» (иногда его название пишут и в два слова: «Не рыдай») хорошо передана в воспоминаниях драматурга Ромашова: «Когда вы входили туда, вас окутывали клубы дыма и вы не сразу могли найти место. В этом кабаке висел плакат с таким гимном: Если ты в тоске отчаянной — Сердцу волю дай! Приходи ты в нашу чайную Пить почаще чай. Раз-два-три-четыре — сердцу волю дай, Раз-два-три-четыре — плюнь и не рыдай!» (Ромашов Б.С. Вместе с вами. Биографические-документальные материалы писателя, с.243—244).

** Для Рины (Екатерины) Васильевны Зеленой (1902—1991), недавно приехавшей из Одессы, этот «своеобразный театрик» в то время был основным местом работы (см.: Зеленая Р.В. Разрозненные страницы. М.: Центрополиграф, 2001, с.44—54. Впервые эта книга была напечатана в 1987 г.). Михаил Иванович Жаров (1900—1981), кроме этого, был актером Театра Мейерхольда (см.: Жаров М.И. Жизнь. Театр. Кино: Воспоминания. М.: «Искусство», 1967, особенно с.145—148). Игорь Владимирович Ильинский (1901—1987) в начале 1920-х гг. параллельно играл главные роли в 1-й Студии МХАТа и в Театре актера у Мейерхольда (см.: Ильинский И.В. О самом себе. Изд. 2-ое, испр. и доп. М.: «Искусство», 1973, с.163—182; с.204—205).

*** Зеленая вспоминала, как это было. Во время представлений в «Нерыдай» функции конферансье обычно исполнял владелец кабаре (известный артист-комик) А.Д. Кошевский, которого Ардов долгое время сбивал своими остроумными репликами. Тогда Кошевский пригласил его самого вести представления. «И нужно было видеть, как Виктор, растерянный и беспомощный, целую неделю терпел, метался по сцене, не умея отразить град реплик из зрительного зала, — в игру включались все остроумцы. Многие даже специально приезжали терзать его. Теперь Ардов понял, что это разница — бросить реплику из зала или весь вечер отражать удар за ударом. Ардов подал в отставку и надолго замолчал. Кошевский торжествовал» (Зеленая Р.В. Разрозненные страницы, с.49).

**** Интересно, что Зеленая, перечисляя постоянных посетителей кабаре, Якулова не упоминает, а называет похожую по звучанию фамилию художника А.В. Лентулова.

- ***** В.Н. Давыдов (наст. имя и фамилия Иван Николаевич Горелов, 1849—1925) начинал свою артистическую карьеру в провинции (Орел, Воронеж, Тамбов и т.д.), а в 1880—1924 гг. служил в Александринском театре (Петербург/Петроград). О кабаре «Нерыдай» и участии в его представлениях Давыдова Дувакину рассказал в 1975 г. конферансье Г.А. Алексеев (Лифшиц) (ОУИ НБ МГУ, ед. хр. №465).
- ***** В мемуарах Давыдова, записанных его биографом А.М. Брянским, рассказывается, как в Воронеже во время великопостного сезона актеру приходилось выступать в концертах в роли «певца, куплетиста, фокусника, рассказчика и проделывать всякие штуки, лишь бы украсить афишу и взять сбор». Однажды, увидев валяющийся в театре большой шар, он решил употребить этот шар в дело и в течение нескольких дней учился на нем стоять и кататься: «Когда я овладел в достаточной степени этой механикой, то стал тренироваться в свободных движениях, проделываемых опять-таки стоя и передвигаясь на шаре, а потом я уже был в состоянии всячески дурачиться на нем, играть на гитаре и петь чувствительные романсы, ногами катая шар, что выходило очень комично. В один из концертов я показал публике этот номер, нарядившись и загримировавшись клоуном» (Давыдов В.Н. Рассказ о прошлом. Л.—М.: «Искусство», 1962, с.180—181).
- ***** «Воспоминания о Сергее Есенине» Августы Леонидовны Миклашевской (1891—1977) были напечатаны издательством «Московский рабочий» в 1965 г. См. также мемуарное эссе В.И. Лихоносова «Августа Миклашевская» в его книге «Записи перед сном» (М.: «Современный писатель», 1993, с.183—189).

В.Д.: А! — «Излюбили тебя, измызгали... или в морду хошь?»*

- * Полный текст четверостишия из стихотворения «Сыпь, гармоника. Скука... Скука...» звучит так: Излюбили тебя, измызгали — / Невтерпеж. / Что ж ты смотришь так синими брызгами? / Или в морду хошь? Это стихотворение входит в цикл «Москва кабацкая», написанный Есениным летом 1923 г., во время пребывания в Берлине. Августе Миклашевской был посвящен другой цикл — «Любовь хулигана», созданный во второй половине того же года.

В.А.: Вот эти, да, стихи. Может, ей. Ну, во всяком случае они не скрывали своей связи. Она была женщина свободная, потому что ее муж, артист Большого театра Лев Лащилин*, с ней давно разошелся, и вот она была подружкой Есенина, в чем она очень откровенно и благородно признается сейчас в своих воспоминаниях. Вот мы сидели, это был чудный, веселый, спокойный вечер, и я нарисовал Сергея Александровича (я должен вам сказать, что я художник-дилетант, даже начинал в печати как карикатурист, а потом стал уже писать), и вы знаете — очень похоже вышло. А так как я боялся, что у меня это пропадет, то я отдал такому журналисту — Льву Колпакчи** (он недавно умер в возрасте 80 с чем-то лет), но он потерял мой рисунок. А Сергей Александрович подписал этот рисунок. Это одна из больших утрат у меня.

- * Лащилин Лев Алексеевич (1888—1955) — артист и балетмейстер Большого театра, заслуженный артист России (1933).
- ** Колпакчи Лев Владимирович (1891—1971) — театральный критик, журналист, издатель. В 1922—1924 г. издавал журналы «Эрмитаж» и «Зрелища».

В.Д.: Я его караулил, он обещал записываться, но все-таки так я и не дождался.

В.А.: Напрасно: он многое знал; он ведь и до революции служил в петербургских газетах и журналах, много чего там видал и знал. Ну, что делать... Вот, пожалуй, и все, что я могу рассказать вам о Есенине.

В.Д.: Ну присоедините сюда сейчас, поскольку для отдельной встречи это мало, те немногие дополнения о Маяковском и его остротах, которые вы нашли. (*Пауза.*) Вообще о Маяковском вы рассказали очень интересно...

В.А.: Боюсь, что я сегодня больше про Маяковского не вспомню. У меня всё... По-моему я вам все рассказал.

В.Д.: Нет, вы мне, когда я вам позвонил, сказали: «Приходите ко мне, я нашел еще, я вспомнил еще»...

В.А.: Я забыл, что я вам их уже все сказал по-моему.